

The background of the entire cover is a composite image. On the left, there is a view of Earth from space, showing white clouds and a portion of the blue ocean. On the right, the Earth's surface is cut away to reveal a detailed map of the African continent. The map shows various geographical features like rivers, lakes, and different land colors (green for forests, yellow for savannas, and brown for deserts).

ВЗГЛЯД ДЕМИУРГА

АЛЕКСАНДР ХИТРУНОВ

Александр Хитрунов

Взгляд демиурга

<https://litres.ru/73897929>

SelfPub; 2026

Аннотация

Передовой материал, созданный академиком Александром Михайловским, не вызвал интереса у межпланетной комиссии. Но это было только начало истории. Ведь изменения вселенского масштаба часто наступают совершенно незаметно.

Александр Хитрунов

Взгляд демиурга

Поверхность астероида была серой, неровной и бугристой, с красновато-рыжими вкраплениями. Огромное каменное плато, уходящее вдаль на несколько километров, зияло шрамами и рубцами, но не глубокими. Под светом установленных на полевом рабочем модуле прожекторов на нем блистали тусклыми огоньками вкрапления кристаллов, несколько разбавляя сие неуютное зрелище. В целом – ничего необычного для подобных объектов, если не считать неба.

Небо над ними было с перламутровым отливом, неярко светящееся в желто-зеленой гамме. Свечение это не походило на земное северное сияние, простираясь по всему куполу, а звезды расплывались в нем, теряя свою резкость. Так выглядело изнутри пылевое облако.

— Не бойтесь, ступайте смело, — произнес академик Михайловский, первым делая шаг из шлюза рабочего модуля. — Астероид имеет достаточную массу, чтобы гравитонные устройства в ваших скафандрах надежно за нее цеплялись. С поверхности не улетим. Без них здесь, естественно, совсем нет притяжения. Грунт плотный, бояться нечего. Но далеко не отходите.

— Александр, мы вам что, дети малые? — раздраженно спросил Сэм Левин, выходя наружу за ним. Впрочем, свой

первый шаг он сделал весьма осторожно. И лишь убедившись, что поверхность не уходит у него из-под ног, продолжил: — Это не первый мой вылет, я в открытый космос выходил два десятка раз и прекрасно знаю правила. Бывал в обстановках похуже. У нас только Ирвин новичок, это его первая инспекция. Но проблем не будет, мы все профессионалы.

Ирвин Кранчер вздохнул и откашлялся. Его реакцию никто не услышал, пока голосовой модуль отключен, этим и удобны прогулки в скафандрах. Однако других удобств он не заметил. А еще ему было страшно. Первый выход в открытый космос — он всегда такой, как ни крути. Пускай перед тобой не просто пустота с точками звезд, а поверхность никому не известного астероида — никакой существенной разницы.

Инспекционная комиссия состояла из четырех человек, и он в ней был самым молодым, совершенно неопытным. Стоит сказать, что лет десять назад, еще в школьные годы, Ирвин буквально грезил работой звездного пилота. Это чувство покоя ему не давало, и подросток пересмотрел все фильмы, прочитал десятки книг, где был описан этот нелегкий, но увлекательный труд. А потом пришло жестокое отрезвление.

В звездной академии, куда он поступал, ему дали от ворот поворот с волчьим билетом. «Ваш психопрофиль несовместим с выбранной профессией», — сообщили ему, громко хлопнув дверью. В чем заключается несовместимость, поче-

му это так важно – никто даже углубляться не стал. Но путь в пилоты парню после такого заключения врачей был заказан. А жизнь его разделилась на «до» и «после».

Так что в настоящем открытом космосе (если не считать нескольких межпланетных перелетов в роли пассажира) Ирвин Кранчер оказался только сейчас, в возрасте двадцати пяти лет, в составе комиссии Межпланетного Сообщества Развития. Он трудился в МСР мелким клерком уже второй год, пора было выбираться из своего кабинета. Собственно, он и выбрал это место за то, что оно давало возможности путешествовать по дальним мирам и неизведанным территориям. И, хотя реальность оказалась куда скучнее и прозаичнее его надежд, свой запал юный мечтатель до сих пор не растерял.

Понятно, что о своих мечтах, как и о страхах, начальству он не рассказывал. Хотя, скорее всего, тому было все равно. Сэм Левин, возглавлявший их комиссию, был матерым бюрократом, не отличавшимся ни человеколюбием, ни любознательностью. Он пришел в МСР одновременно с Ирвином, но пересекались они нечасто, ведь Сэм занимал в их управлении должность намного выше, а за спиной у него было уже два десятка лет службы, только в других ведомствах.

Будучи не ученым, а лишь чиновником среднего звена, Левин, тем не менее, весьма скептически относился к деятельности профессора Михайловского, это было понятно абсолютно всем. Ирвину даже казалось, что такое отторжение у босса вызывает любая мысль, какую его мозг не способен

полностью объять. И, тем не менее, именно Сэм Левин должен был дать заключение о дальнейших перспективах проводившихся здесь исследований.

— Александр, так на что нам тут смотреть? — спросил он разочарованным тоном, несколько пренебрежительно. — Потому что пока перед нами только этот булыжник и более ничего. Как его там...

— Астероид каталогизированный с фиксацией 228529-Дельта-Ирис-8200, — услужливо подсказала ему секретарь Муниро, исполняющая обязанности правой руки Левина в рамках поездки.

— Да-да, именно... И, по документам, работы вы ведете тут уже полным ходом, не менее года. Иначе мы бы здесь не появились, коль нечего оценивать. Что скажете, господин Михайловский?

— Имейте терпение, господа, — произнес Александр Иванович Михайловский, неспешно двигаясь дальше по поверхности астероида. — Сейчас вы все увидите.

Процессия устремилась дальше. Всего их было семь человек. Впереди шел академик Михайловский – виновник того, что они очутились в этом богом забытом месте. Ведь именно здесь он проводил свои эксперименты и планировал делать это в дальнейшем. Следом за Михайловским шел его помощник, худой долговязый парень Максим, чуть постарше Ирвина, а также его дочь Елена. Девушку Кранчер даже не смог рассмотреть – она появилась перед ними уже в ска-

фандре, за пару минут до того, как они ступили на астероид. Комиссия шла следом за этой тройкой – сначала Сэм Левин, а за его спиной все остальные. В их задачу входило определиться – стоят ли изыскания Михайловского того, чтобы на них обратили внимание свыше, а следовательно – помогли как ресурсами, так и финансово. Или вся эта затея именитого ученого была пустышкой, очередным опытом, не стоящим внимания и не несущим преимуществ в будущем. Ирвин прекрасно видел, что Сэм Левин убежден во втором варианте.

Собственно, это было заметно еще во время поездки, где босс, оценив наметанным глазом предоставленные академиком документы и потягивая молочный напиток, сообщил подчиненным, что эта овчинка точно не стоит выделки.

— Господа, ну это хотя бы повод растрясти жирок и не покрыться пылью! Пью за это! — саркастично усмехаясь, Левин поднял свой бокал. Сам он был худ и подтянут. А вот секретарь Муниро, дама изрядно в теле, на эту шутку отреагировала, лишь кокетливо хихикнув. — Очередное дело человека, переоценившего свои возможности. Мог бы человек преподавать или занимать важный пост. Не дурак явно, академик же. Вместо этого он подался в тьмутаракань проводить свои опыты, еще и средства собственные вложил. И скажите, ради чего? Чтобы почистить вселенную от пыли? Кому вообще сдался этот его пылесос, а? А сейчас поистратился и прибежал к Межпланетному сообществу. Думает, видно,

что мы благотворительностью занимаемся. Зря!

— Но, господин Левин, — робко внес свою лепту в беседу Ирвин, — то, что я увидел... Михайловский не ставит своей первоочередной целью очистку космического пространства от пыли. Он предлагает использовать ее как материал. Дармовой материал, буквально витающий в воздухе. В смысле... простите, в пространстве. Это должно быть интересно.

— Вот! — Левин поднял свой указательный палец и ткнул им, будто острием клинка, в направлении Ирвина. — Сначала разберись в понятиях, потом перечь старшим. А то воздух, пространство! Ирв, ты парень неглупый, но, как и вся молодежь, — чересчур самонадеянный. Держись меня, тогда это тебя не погубит! А я таких Михайловских знаешь сколько видел, сколько инспектировал? В-о-о-от! У меня чутье, которое сообщает: это трата нашего времени, и не более. Поэтому наслаждайся своей первой космической экскурсией.

На этом их прения окончились, и дальше говорил один Левин. С ним никто не вступал в полемику, даже не поддакивал, все лишь услужливо кивали и хихикали в ответ его колкостям. Особенно в этом преуспела Пэт Муниро. Молчал и Ирвин. А отношение начальства к объекту инспекции стало предельно очевидным.

— Давайте остановимся и оглядимся! — воскликнул Александр Михайловский. Он и его помощники замерли на месте, Левин, а за ним и вся остальная комиссия, встали следом. — Скажите, что вы сейчас видите перед собой?

Тем временем перед ними не было совершенно ничего необычного. Если считать обычным то, что находились они на космическом булыжнике. И от рабочего модуля они отошли всего метров на триста, совсем недалеко. Ирвин размышлял походя, где же Михайловский спрятал следы своих опытов, куда они направляются. А оказалось – уже пришли. Все то же самое каменное плато кругом и ни малейшего понимания, к чему их призывал присмотреться ученый.

Единственное – текстура грунта перед ними и его цвет имели незначительные отличия от поверхности астероида, по которой люди ступали до этого. Будто тут положили новенький, свежий асфальт, замаскировав его под окружающий ландшафт. Но ведь не дорожными работами занимался Михайловский? Кранчер включил встроенный в скафандр сканер и осмотрел поверхность перед собой повторно. Он оказался прав – твердь не совпадала с предыдущей как по составу, так и по времени образования. Она была новой, инородной. Явно привнесенной сюда человеческими усилиями, а не природным явлением. Точнее сказать не представлялось возможным, для детального анализа требовался полноценный исследовательский комплекс. Однако, как оказалось, даже мысль просто просканировать участок пришла лишь в его голову.

— Уважаемый Александр Михайловский, — театрально вздохнув, произнес Левин. — Давайте обойдемся без загадок. Оставьте их для своего научного сообщества. Нам сей-

час точно надо понимать: куда мы пришли, на что смотрим и с какой целью.

— Вы смотрите на наше детище. Приглядитесь, прошу. Еще полгода назад этот астероид был меньше по габаритам, а теперь прирос. Перед вами атумит. Раньше тут была впадина, яма, но теперь ее нет. Вся поверхность перед вами представляет собой смоделированную согласно задаче атумитовую массу. Мы начинали примерно с пятидесяти килограммов материала, теперь же у вас под ногами его больше сотни тонн, и рост продолжается. Различия заметны, если пристальнее. Ну, или включить сканер.

После столь прямого указания и Левин, и остальные члены комиссии включили свои сканеры и отметили различие в поверхностях. Но большого впечатления на них этот факт не произвел. Пэт Муниро даже прошептала с досадой: «И что? Не понимаю», — конечно же, забыв отключить свой голосовой модуль. Поэтому слышали ее все присутствующие. Что говорило об одном: сама секретарь комиссии, отвечавшая за материалы по делу, в них особо не углублялась, если вообще читала.

После недолгого молчания Сэм Левин, внимательно прочитавший результаты сканирования, поднял ногу и аккуратно, будто опасаясь, что под весом человека она треснет и рассыпется в прах, прикоснулся носком сапога к атумитовой поверхности.

— Господин Левин, смелее, это вполне прочная поро-

да, — подбодрил его Михайловский. А затем сам, подавая пример, встал на новоиспеченный грунт, прошелся по нему вправо, влево, шаркнул ногой и даже несколько раз подпрыгнул.

Прыжки его выглядели забавно, они зависели не от реальной гравитации, а от гравитонного устройства, как будто академик был надувной куклой, пружинящей при приземлении. Однако плато под его ногами было твердым и незыблемым, как камень.

— По сути, атумит и есть камень. Даже прочнее многих пород, я вам скажу. Это, разумеется, достигнуто комбинацией с металлизированной структурой. Естественно, состав его далек от оригинальных пород астероида, — с этими словами Михайловский в последний раз с силой топнул по поверхности, отчего его на секунду подкинуло сантиметров на двадцать вверх.

Ирвин поймал себя на мысли, что пока это зрелище в его глазах больше походит на шоу, чем на серьезную проверку. Поддавшись искушению, он сам ступил на атумитовую поверхность и несколько раз топнул по ней ногами – раз-два, раз-два. Камень и есть камень, прочность его не вызвала никаких сомнений. А вот само ощущение искусственной гравитации для неискушенного человека было довольно забавным. В конце он собрался с силами и со всей мочи подпрыгнул вверх. Его тут же подбросило метра над два, аж дух захватило. Однако падение было не таким молниеносным,

как при земной гравитации, более плавным и практически безболезненным.

— Кранчер, вы что себе позволяете! Вам что, пять лет? — закричал на него Левин так, что его подопечный аж дернулся: вряд ли ситуация требовала столь резкой реакции. А затем обратился к остальным своим спутникам: — Да, поверхность прочная — на первый взгляд. Замер твердости и хрупкости мы обязательно проведем чуть позже. Продолжайте, Александр. Хотелось бы услышать уже известную нам информацию из первых уст.

— Пятьдесят килограммов у нас было в начале исследований. Сейчас — сотня тонн, и прирост массы продолжается. Чем больше атумита, тем быстрее темпы роста, — продолжил академик, делая широкий жест рукой. В голосе его явно чувствовались нотки гордости. — Прогрессия, конечно, не геометрическая, тут есть множество факторов, главный из которых — поверхность контакта атумита с пылью. И тем не менее, скорость развития уже впечатляет, изменения можно проследить невооруженным глазом на недельном отрезке времени.

— Ближе к теме, пожалуйста, — попросила секретарь Муниро. Судя по всему, для нее все сказанное являлось не более, чем бессвязным набором слов.

— Атумит — это, по-простому, плесень нового уровня. Представьте себе металлическую грибницу, растущую в космической пыли. Не обычную, нет-нет. Это, скорее, нечто

иное, следующая ступень рукотворной эволюции, предшественником которой являлись плесневые грибы. Атумиту для развития не нужен кислород, по крайней мере – в больших количествах. Он может использовать любые компоненты, которые играют роль окислителей. Берутся они из состава пыли, которая и является его питательной средой. Главное, чего нам удалось достичь, – это его структура. Структура атумита – это металлический сплав, арматурный каркас, состав которого сильно зависит от поглощаемой пыли, и силикаты. Это саморастущий металло-силикатный гибрид, по факту являющийся живым организмом. Прочный материал, выработка которого не требует ни затрат, ни логистики, ни рабочих, достаточно лишь поместить его в пылевое облако!

Воображение Ирвина Кранчера захватило видение, вызванное словами академика Михайловского. Огромный ком из металла и кремния, который самостоятельно разрастался, увеличиваясь в пространстве, а под его поверхностью бурлила жизнь – таким были первые ассоциации. Этот выдуманный образ завораживал и немного пугал. «Умные» материалы, которые изменяли свои функции, структуру и форму, были всем давно известны. Но ни один из них не мог самостоятельно развиваться.

— То есть, материал, который дается практически без затрат? — переспросил Левин. — Занимательно! Он представлял бы интерес, имея реальное применение. Если вы могли бы вырастить высокопрочный металл или схожий по свой-

ствам полимер, скажем. Что прикажете делать с вашим атумитом? Плесень тоже растет бесплатно, однако и даром никому не нужна.

— Во-первых, мы только в начале пути, — принялся объяснять Михайловский. — Над материалом можно работать дальше, развивать и менять его свойства. Мы знаем, как этого достичь. В перспективе можно сделать несколько видов атумита — с разными товарными характеристиками, даже несколько десятков видов. Во-вторых, мы подходим к еще одному важному моменту. Ростом атумита, его конфигурацией, всем этим можно управлять. То есть, это не бесконтрольный процесс.

— Подробнее, Александр, — кивнул Сэм Левин.

— С помощью биометаллических контроллеров, подключаемых к материалу, мы можем воздействовать на атумит. Мы заставляем его расти в рамках строго заданной конфигурации, по нашему проекту. Собственно, это не новая технология. Ее успешно применяют и в садоводстве, и в сельском хозяйстве, и в лесоводстве на протяжении пары сотен лет. Мы просто расширили, изменили ее, перейдя от управления ростом живых растений к атумиту. Сейчас мы можем весьма успешно управлять ростом материала, придавая ему почти любую форму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.